

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

ПОКАЖИ МНЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ...

ДВА КЛАДБИЩА

Каждый день я иду мимо кладбища.
Там звенят соловьи переливами,
Там зевают озябшие ландыши,
Пахнет снегом и мокрой крапивою.
Не гони меня, Чистый, нечистую,
Тех камней могу не касаться я.
Белым светом исходит неистово,
Осыпаясь под ветром, акация.
Все печали оплаканы, розданы
Все долги, и отбыты повинности.
И такая в пронзительном воздухе
Жизнь клубится, что страшно не вынести.

Я с другого пришла сюда кладбища —
Мира офисов, ставших могилами.

ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Институт филологии Тамбовского университета. Публиковалась в журналах "Наш современник", "Вопросы литературы", в "Литературной газете" и других изданиях. Участник Форумов молодых писателей России (2005, 2008, 2012 и 2015 гг.). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова, премии имени Ю. П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков "Мир слова" при Центральной детской библиотеке г. Тамбова. Автор нескольких поэтических сборников.

Из вселенной, где пальцы по клавишам
Пляшут так, словно плачут над милыми.
Где изящно подвязаны галстучки,
Безупречные, как репутации,
Где и любят, и губят для галочки,
Для портфолио и презентации.
Для отчёта на маленьком брифинге,
Где секундна длина выступления,
Где со взглядом скучающей пифии
Смерть ведёт протоколы Правления.

Там с душой не позволено нянчиться:
Тихо дома сиди, малолетняя.
Покажи мне, где Жизнь начинается —
Букву первую, букву последнюю...

ЧЕЛОВЕК

Листья падают, дождь ли, снег —
После странствий своих недалних
На земле лежит человек,
Тих, как шёпот в исповедальне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек
Каждый день и в любую минуту.

* * *

И те, кто говорил, мол, голод и чума,
И те, кто под водой увидел терема,
И возгласившие, что мир сошёл с ума, —
Все были правы и неправы.
Мир не сходил с ума, не изменял пути.
Одни рождали ложь: спасаться и пасти,
Другие, семена надежд держа в горсти,
Ложились в травы.

Сменялся князем князь, а после — царь царём,
Был посрамлён пророк в отечестве своём,
Не раз гремел над мужиками гром,
Но летопись не знала строк неровных.
Как навсегда завязанный сюжет,
Схлестнулись Челубей и Пересвет,
И, раненный в живот, ушёл поэт,
Против виновных.

И те, кто говорит, кто скажет после нас,
Мол, тот ли, этот царь от гибели упас,
Щитом отвёл стрелу, и минул грозный час —
За то ему и слава, —
Те тоже вдруг поймут, что этот час грядёт,
Что вот уже он здесь, у внутренних ворот,
Но тихо, тихо как... Безмолвствует народ,
И немые травы.

АВГУСТ

Деревья держат звёзды крепко-крепко —
Им не с руки бросаться серебром.
Луна созрела. Вытянули репку,
Четыре дня тянули всем двором.

Цветёт цикорий — сердце в синей раме,
Бесстрашным корнем в холод уходя,
И пахнет август астрами, кострами —
Сухим дыханьем ветра и дождя.

* * *

Сквозь лепет веток, спрятавшись за сплетнями
(Здесь лист, как жест, отчётлив и шагренев),
Как девочка одиннадцатилетняя,
Акация завидует сирени:

Как вдохновенно всё её обличье!
Счастливая, повенчанная с ветром...
Как от избытка стати и величия
Она лучится испулённым светом!

“Так славит Бога всякое дыхание”, —
Цветы сирени вдруг заговорили.
Так слиты в голубом благоухании
Улыбка Евы и печаль Марии...

Акация стоит — глядишь, расплечется,
И пахнет сладко, до галлюцинаций,
Но в куцем золотисто-белом платице
Акации с сиренью не тягаться.

* * *

Я люблю такие души —
Как урочища лесные,
Коим кроны непокорны,
Коим комнаты тесны.

Там по-прежнему на стрежень
Выплывают расписные
Ни минуты не смешные
Остроносые челны.

Там для каждого найдётся
Угол тёплый и зелёный
С хвойной шепчущей опушкой
И подушкой моховой,

Словно бродишь среди сосен
С просветлённой, удивлённой,
Запрокинутой к верхушкам
Лёгкой-лёгкой головой.

Там поют и плещут листья
В соловьином иступленье,
Пихта мокрыми глазами
Прижимается к звезде,

И, хрустя листом брусничным,
Тонконогие олени
Пробираются неслышно
К замерзающей воде —

Той, которая качает
В тёмной глуби чьи-то лица,
Той, что ластится, струится
В голубых объятьях льда.

Там, омытые печалью,
Твой двойник, моя двойница,
Отражённые случайно,
Остаются навсегда.

* * *

Кошки умеют ходить, лучась,
По тишине нагой,
Зная, когда закончится час
И начнётся другой.

В детстве и я любила стеречь
Свой заповедный клад:
Старых часов ворчливую речь,
Стрелку и циферблат.

И — как на солнце — часам в лицо
Страшно было смотреть.
“Кутаясь в зябкое пальтецо”,
Это глядела смерть.

Может, за окнами падал снег,
Снежная бездна — вся,
Может, кончался двадцатый век,
Проводов не прося.

Сердцу, стоявшему на посту,
Просто б шепнуть: “Не верь!”
Только казалось, что каждый стук —
Именно в нашу дверь.